

ШКОЛА-
ПОКА!!!

Кто шогал
Душесу?

Татьяна Летова

ЖИЗНЬ

ПО НАРОШКУ

Татьяна Летова
Жизнь понарошку

«Логос»

2019

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Летова Т. И.

Жизнь понарошку / Т. И. Летова — «Логос», 2019

ISBN 978-5-907258-24-2

Некоторым людям советское прошлое вспоминается как счастливое время, радующее стабильностью. Другие к этому времени относятся с неприязнью. Наверняка у них есть для этого повод. События, о которых говорится в книге «Жизнь понарошку», происходят именно в этот отрезок нашей истории. В конце восьмидесятых годов минувшего столетия. Героиня книги – молодая девушка Дина, оказавшаяся перед выбором будущей профессии. Настоятельная мама, способность Дины попадать в невероятные курьезные ситуации и ее природный оптимизм помогли справиться со сложным выбором. А вы хотите узнать, как можно получить отметку «отлично» на зачете по музыке по классу аккордеона, не зная нот? Хотите узнать, как можно оказаться на сцене во время конкурса красоты среди участниц, совершенно не являясь конкурсанткой? А может, вам будет интересно узнать, кто такие понарошкинцы и как можно жить понарошку? Тогда предлагаем вам открыть книгу и погрузиться в интересное чтение. Улыбаться или даже хохотать разрешается.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907258-24-2

© Летова Т. И., 2019
© Логос, 2019

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Татьяна Ивановна Летова

Жизнь понарошку

© Летова Т. И., 2019

© Научно-издательский центр «Логос», 2019

Вместо предисловия

Многие посвящают свои творения кому-либо. Будь то родители или близкие друзья, любимый человек или даже домашний питомец. Я же совершенно нескромно посвящаю эту книгу, прежде всего, самой себе и своим юным годам. Пусть истории из моей юности будут добрым подарком и посвящением маме, которая вырастила меня, моим девочкам-однокурсницам, с которыми я проучилась в педагогическом училище несколько лет, и моему преподавателю Татьяне Григорьевне.

Она, будучи молодой девочкой, получившей высшее педагогическое образование, пришла работать преподавателем. «В нагрузку» ей дали классное руководство. Татьяна Григорьевна лицом к лицу столкнулась с такими же молодыми и беспокойными, как она сама, и готова была прийти на помощь каждой девочке из нашей группы. Она «удочерила» нас всех и принимала наши проблемы близко к сердцу. Как жаль, что наша Танечка, как мы ее называли, не сможет прочитать эти строки. Её больше нет...

Как в красивой коробке с любимыми конфетами, в этой книге ассорти из правды и вымысла, юмора и разумной доли самоиронии. Посмеяться над собой очень полезно.

Не дают покоя воспоминания и вопросы, как же я пришла к выбору своей профессии, которая многие года сопровождает меня. И не понять, то ли я выбрала эту профессию, то ли она меня. Работа воспитателем – это и моя радость, и мои слезы, и переживания, и скромный источник дохода.

Давным-давно, еще в советское время, произошел этот выбор. Было время, когда хотелось резко поменять свою стезю, но, видимо, какие-то неведомые силы, иначе это не объяснить, возвращали меня в детский сад и окунали с головой в детство. Попробую прогуляться по моим воспоминаниям. В книге правда и вымысел смешаются в одно целое. А как же без вымысла?

Итак, пора советских свершений и стремлений к коммунизму. Я еще совсем юная и наивная девочка, оканчивающая восьмой класс...

Глава 1

Аришка

Мы с моей лучшей подругой Маринкой вели ее сестренку Аришку из детского сада домой. Мама подруги не создавала себе проблемы, называя дочек почти одинаковыми именами. Когда родилась младшая дочь, то тетя Наташа всего лишь убрала первую букву от имени старшей дочери и теперь у нее есть Маринка и Аринка. Разница в возрасте у сестер большая – почти двенадцать лет.

Мы с Мариной оканчиваем восьмой класс, нам скоро будет по шестнадцать лет. Раньше в школах не перескакивали галопом из третьего класса в пятый. И с завидным постоянством мы проучились с первого класса по восьмой. А теперь стояли на рубеже и размышляли, то ли идти дальше учиться в девятый и десятый классы, то ли поступать в учебное заведение после восьмого.

Младшей сестре моей подруги было четыре года, она ежедневно «работала» воспитанницей в детском саду. Во всяком случае, вид у нее был очень серьезный и деловой, когда мы с Мариной забирали ее «с работы».

В сотрудниках она числилась непослушных, обладала бунтарским характером и, если бы получала премию за выдумку и необычность мышления, могла бы озолотить маму и сестру. Жили они без папы, который «растворился», как только узнал о том, что ожидается пополнение еще одним ребенком в семье. Не выдержав такого сюрприза, а может, догадываясь о будущем веселом характере дочки, папа уехал далеко и навсегда. С тех пор тетя Наташа воспитывает девочек одна. Поэтому Маринка ее первая и незаменимая помощница во всем. А я с удовольствием принимаю участие в этой помощи.

Сейчас мы шли в магазин. Аришка семенила между нами, периодически спотыкаясь и поглядывая на нас снизу вверх. Мы держали ее за руки, и это помогало малышке не упасть. Несмотря на то, что мы с подругой буквально волоком тащили ее сестренку-дошколенку, на лице девочки сияла счастливая улыбка, Аришка очень любила ходить с нами.

На ней было желтое платьице, украшенное большим темным пятном, поставленным Аринкиным другом в песочнице в борьбе за синюю лопатку. Об этой печальной истории поведала нам воспитатель.

Когда мы забирали Аринку из детского сада, некоторое время выслушивали, что необходимо принести завтра в садик и почему произошла драка в песочнице. Пока Маринка внимательно слушала воспитателя, я наблюдала, как подергивается глаз у бедной женщины. Я долго думала, от чего именно это происходит. То ли это ее врожденная особенность, то ли она тоже пострадала в битве за лопатку, как и Аринкино платье.

Молчала и думала, а смогла бы я работать воспитателем? Тем более что об этом так сильно мечтает моя мама. Спит и видит меня в толпе малышей и перепачканную их козюльками. Нет, скорее всего, не смогла бы. Я бы закопала лично все лопатки и игрушки в песочницу, чтобы устранить конфликты между малышней. У меня не хватило бы терпения выслушивать детский плач и вытирать слезы сопливым скандалистом.

– Арина, поторопись, нам с Диной еще в магазин надо успеть. Знаешь, сколько всего мама наказала купить.

– Кого мама наказала? Тебя что ли, Марин?

Мы с подругой переглянулись и прыснули от смеха.

– Да не наказала, а наказала. Тьфу ты! Я совсем с тобой запуталась, глупая ты девочка. Мама мне дала задание сходить в магазин и купить кое-что.

– А это кое-что вкусное?

– Очень! Надо купить картошки два кило, хлеба и бутылку молока.

– Маринка, я не хочу молоко и картошку тоже не хочу. Нам в садике аж ведро молока давали!

– Так уж и ведро, не сочиняй, Арина.

– Я не сочиняю. А давай ты понарошку купишь картошку, а по-правдашнему конфет купим.

– Точно, Аришка, мы так и сделаем.

Мы вошли в магазин. Это сейчас сплошь и рядом модные супермаркеты, блистающие красотой и чистотой. Разнообразные отделы, переполненные всевозможными товарами. А раньше обычный магазин представлял собой обычное большое и длинное помещение с таким же обычным прилавком. Серое и скучное, как осенний дождик, помещение. Длиннющий прилавок с выпуклым стеклом, за которым виднелся довольно-таки скудный ассортимент продуктов. И вечная очередь.

Будучи маленькой девочкой и стоя вместе с мамой в очереди за колбасой или сметаной, я любила прижиматься носом к холодному стеклу прилавка и рассматривать то, что было представлено покупателям. В основном это были консервные банки-близнецы. Аккуратно составленные пирамидки из рыбных консервов поражали однообразием. Их даже ставили одной стороной к покупателю, чтобы на всех банках одновременно одинокая рыбка, изображенная на банке в волнах океана, была повернута своим рыбьим глазом...

Мы честно отстояли очередь за картошкой. И как только Марина собралась озвучить просьбу, Аринка выпалила быстрее сестры:

– Тетенька, а у вас конфеты продаются?

– Нет, девочка, у меня только овощи и фрукты.

– Мама Маринку наказала за то, что она мне картошку хочет купить, а не конфеты.

– Ну, идите тогда в кондитерский отдел, – продавец овощей начала явно нервничать, – девочки, не задерживайте очередь, отходите отсюда.

– Да не слушайте вы ее, – сказала Марина, – она у нас фантазерка. Мне два килограмма картошки, пожалуйста. Дина, постой, пожалуйста, с Аринкой вон там.

Подруга кивнула головой и указала нам путь в угол магазина. Я взяла девочку за руку, и мы отошли от прилавка с овощами.

– Ты чего? Тебя дома конфетами не кормят, что ли, Арина? – спросила я, не выпуская руку фантазерки.

– Нет, Динка, не кормят. Не поверишь, мама с Маринкой все конфеты под подушками у себя прячут. Я у них прошу-прошу, а они, жадины такие, сами их едят. Они думают, что я не слышу, как они чавкают под одеялом. Вчера у мамы даже рот в шоколаде был испачкан. Я такая спрашиваю: «Мама, а что это за пятнышко у тебя такое на губе?» А она мне хитренько так отвечает: «Это, Ариночка, родина у меня на губе!»

– Какая еще родина? – спросила я у Аринки. – Родинка, что ли?

– Ой, точно, Диночка, родинка. Облизнула мама свое пятнышко и говорит: «Это, Ариночка, родинка у меня на губе».

Я стояла, держала Аринку за руку и не верила своим ушам. Мне было одновременно и смешно и жалко бедного ребенка. Надо спросить у Марины, правда ли то, о чем мне поведала ее сестра. Ей что, действительно не дают конфет? Может, у девочки аллергия на них и конфеты в доме Марины под запретом. Однако плохо прячут они свои сладости, если уж ребенку нельзя.

Аринка стояла передо мной такая грустная и молчаливая, скромно понурилась головой. Всем своим видом она показывала мне, как ей горько, обидно и голодно без конфет живет. Свободной рукой она теребила край своего запачканного платья и изредка поглядывала на меня. И тут у меня в голове родилась идея, как мне тогда показалось шикарная, я присела перед Аринкой.

– А хочешь, пока Маринка покупает свою картошку, я пойду и куплю тебе конфет? У меня есть немного денег, на конфеты тебе точно хватит.

Взгляд Аринки мгновенно превратился из страдальческого в восторженный и живой. Она сглотнула и тихонько произнесла:

– А не врешь?

– Нет. Зачем мне врать? Ты со мной пойдешь?

– Нет, Диночка, я здесь постою, чтоб мне Маринку отсюда лучше видно было. А ты быстренько в отдел с конфетами сбегай. Давай иди.

– Хорошо, Ариша. Стой здесь и никуда с этого места!

– Диночка, у меня на подошве клей намазан, я приклеюсь на этом месте.

– Какой еще клей? – насторожилась я.

Умильная мордашка смотрела на меня. Аринка развела руками и всем своим видом показывала мне, что я глупая, не понимаю, что ли, о чем речь идет.

– Понарошку, Диночка! У меня клей намазан по-на-рош-ку.

– Ну, стой давай, понарошка ты ходячая, – сказала я и начала протискиваться в то место, где продавались сладости, периодически оглядываясь на малышку. Она тоже видела меня и успокоительно махала мне ручкой, мол, иди-иди, не переживай.

Денег мне хватило только на ириски. Это такие прилипучие конфеты, которые лишают твои зубы пломбы и застревают между зубов. Я придумала сама для себя технологию съедания такой конфеты. Нельзя сразу разжевывать ириску, надо подержать ее во рту, чтобы она обмякла, как умирающий от жажды путник в пустыне, и только тогда потихонечку начинать ее жевать.

Небольшой бумажный кулечек с ирисками и сдачу в кармане понесла я обратно, торопливо пробираясь сквозь толпу покупателей и высматривая Аринку на том месте, где я ее оставила. Вместо малышки в желтом испачканном песком платье я увидела Маринку с широко раскрытыми глазами. На том самом месте, где мертвой хваткой должна была приклеиться подошвами Арина, стояла ее растерянная старшая сестра и оглядывалась по сторонам. Как только она меня увидела, сразу махнула рукой:

– Дина, ну наконец! Где вы ходите?

– Кто вы? Я и ириски? – спросила я, еще не понимая, что произошло.

– Какие еще ириски? А где Аринка?

И только сейчас я поняла, что произошло. Мы потеряли девочку в этом суетном, переполненном после рабочего дня магазине. Я стояла, разведя руки в стороны, и хватала ртом воздух. Мне нечего было сказать моей лучшей подруге.

В голову ударила волна переживания, я так растерялась, что казалось, сейчас упаду в обморок. В таком же состоянии была и Маринка. Разница между нами была только одна – у нее в руках авоська с продуктами, а у меня кулек с ирисками. Мы стояли и молча смотрели друг на друга.

Наконец, Маринка первой сообразила, что надо делать. Она бросила авоську на пол и закричала. На крик обернулись многие покупатели. Самые сердобольные побросали свои места в очереди и направились к нам. Начались расспросы, что произошло и чем помочь. Пока Маринка, сбиваясь в объяснениях, пыталась сказать, что произошло, я неожиданно посмотрела в витрину магазина. На улице, за огромной стеклянной витриной я увидела желтое платье. Закрывая лицо руками и расплющив нос по стеклу, так чтобы получился пороссячий пяточок, Аринка заглядывала с улицы в магазин.

– Маринка, смотри, вот же она, – сказала я.

Мы выскочили из магазина быстрее шальной пули. Маринка забыла авоську с продуктами, я же крепко держала конфеты. Аринка оторвала нос от витрины. Видимо, она долго так

стояла, потому что нос покраснел от того, что был расплюснут по стеклу. На лице сияла улыбка. Маринка подбежала к ней и схватила за плечи.

– Ты бессовестная дурочка мелкая! Как ты могла уйти из магазина!

– Сама дурочка! – улыбка на лице малышки сменилась злой гримасой. – Это ты меня бросила. Нет, ты выгнала меня из магазина. Все маме расскажу.

У Маринки подкосились ноги. Она мертвой хваткой держала сестру и продолжала кричать на нее:

– Что ты расскажешь, что?

– Все расскажу, расскажу, расскажу, расскажу! – топала ногами и причитала Арина. – Как я хотела постоять в углу магазина и подождать тебя, а ты сказала мне: «Пошла вон отсюда!»

К подкошенным ногам у моей подруги добавился ужас предстоящей ссоры с мамой. Такого она точно не простит. Зная Аринкину любовь к вранью, мама все равно не простит старшую дочь за то, что та потеряла ребенка. А истина все равно откроется. И магазин находится поблизости с домом. Обязательно найдется сердобольная соседка, которая была невольным свидетелем страшной ситуации. Маринке не избежать жестокого наказания.

Она выдохнула, отпустила плечи сестренки и заплакала. Я подошла к подруге:

– Давай я с ней поговорю, Марин? Ты сходи за авоськой в магазин, а то еще украдут. А я поговорю с Ариной.

Марина зашла в магазин, и я увидела, как она наблюдает за нами оттуда. А я опустилась пониже к злобному возмутителю порядка. Аринка еще злилась на всех и на все.

– Ты хочешь конфеты и денежку?

При слове «денежка» левая бровь малышки поползла куда-то вверх. Девочка улыбнулась и тут же забыла обо всем.

– Конечно, хочу, Диночка.

– С одним условием: ты ничего не будешь рассказывать маме. Марина не виновата, ты сама ушла из магазина. Я дам тебе конфеты и денежку, но если узнаю, что ты проболталась, приду и тут же заберу!

– Хорошо, Диночка.

Наш бартер состоялся. Я отдала шантажистке конфеты и сдачу от них. И как только Марина вышла из магазина с авоськой, в которой лежали продукты, мы с Аринкой довольно махали ей руками у входа.

– Сестренка, я пошутила, – ласково обратилась Арина, – конечно же, я ничего не буду маме рассказывать. Я пошутила.

Пока Аринка жевала ириску по дороге домой, Марина с восхищением посмотрела на меня:

– Как? Слушай, подруга, как у тебя получилось поговорить с этой маленькой мерзавкой? Я думала, что мне наказания не избежать. Знаешь, мне кажется, у тебя талант, ты педагог от Бога! По-моему, тебе надо идти в педучилище после восьмого класса.

– Знаешь, Мариш, мне мама тоже говорит об этом. Но я не знаю, сомневаюсь еще.

– Да ты прирожденный педагог. Смотри, как сладила с Аринкой, а она у нас еще та врунишка. Мама бы, конечно, поняла меня, но получила бы я хорошенько.

– Да что тут уметь-то, – уверяла я подругу.

Знала бы Марина, каким бессовестным путем мне удалось добиться послушания от ее младшей сестры. Но я и сама начинала верить в то, что я доморощенный Макаренко и прирожденный Сухомлинский. Мне захотелось закрепить успех, вот только как?

Мы, наконец, пришли во двор, где жила моя подруга. Советский уютный дворик, заставленный машинами автовладельцев. Однако места для игр детям было тоже достаточно. Во дворе располагалась детская площадка. Там была песочница, истоптанная детскими ботиночками, качалка с облупившейся краской и небольшой деревянный домик с окошком. Вся эта

красота стояла под высокой ивой. Дерево опустило свои длинные гибкие веточки прямо на детскую площадку, словно прикрывая тех, кто там копошился, как муравьишки. А копошились там три мальчика и две девочки. Они были примерно одного возраста. Лишь один мальчик заметно выделялся по росту. Он был на голову выше своих друзей, но играл в песочнице с не меньшим интересом.

– Динка, а давай проверим твои педагогические способности, – предложила неожиданно Маринка.

– Как это?

– А попробуй организовать этих жуков. Как воспитатель Аринкина. Ты же видела, как она с ними на прогулке играет.

Я начала рыться в анналах памяти и вспоминать, что такого запоминающегося я видела в детском саду, когда мы приходили за Аринкой. Память сыграла со мной злую шутку. Именно в тот момент, когда надо было блеснуть умениями и укрепить позицию недавнего победителя, я ничего существенного вспомнить не могла. Но, улыбнувшись и подмигнув Аринке, я ответила:

– А, легко! Иди посиди на лавочке, пока я буду воспитывать этих карапузов.

Я взяла за руку Аринку и, пока мы шли с ней к песочнице, я обратилась к девочке. Я чувствовала, что поступаю неправильно, но назад дороги нет. Во рту у малышки бешено и остервенело пережевывалась ириска, купленная мною. Мы шли с Аринкой, как идут на последнее задание, почти на подвиг, два единомышленника.

– Арина, хочешь быть вся в родинках, как твоя мама?

– В каких еще родинках, Динка? – спросила девочка, и я закрепила свое мнение о том, что она тогда в магазине наврала мне про шоколадные пятнышки на лице у мамы.

– В шоколадных родинках.

– А-а-а, поняла.

– Помоги организовать своих друзей из песочницы, и я принесу тебе из дома шоколадку.

Шоколад во времена моей юности был явлением редкостным. Но моя мама иногда приносила с работы это лакомство. Я понимала, что нельзя одержать победу без бессовестного договора с маленькой хитрюгой. Она любит сладости и скорее всего за шоколадку построит полк друзей. А мне надо произвести окончательное впечатление на подругу, которая итак пребывала в эйфории. Я, конечно, как человек совестливый, попозже сознаюсь во всем вранье и подкупе ее младшей сестренки, но пока я не хотела этого делать.

Аринка некоторое время общалась с малышкой. Я заметила, как в ход пошли ириски. Только один мальчик все время подпрыгивал на месте, но, получив конфетку, он успокоился. Потом она махнула мне рукой. Я подошла к детям. На меня смотрели шесть мордашек, перепачканных песком. Все шестеро жевали ириски и внимательно рассматривали меня.

– Здравьете, – чавкая, поздоровались со мной дети.

– Здравствуйте, дети.

– А как тебя зовут? – спросил мальчик, который ранее подпрыгивал.

– Ко взрослым надо обращаться на вы. Надо спрашивать, как вас зовут? Меня зовут Дина Ивановна.

На этом мой педагогический опыт закончился, и я не знала, что мне делать дальше. Маринка сидела на лавочке, улыбалась во весь рот и махала мне рукой, когда я оглядывалась на нее. И тут я вспомнила, что воспитатель Аринкин выводит детей на улицу, построив всех в маленький отряд. Значит, точно так же и я должна поступить.

– Вы это... постройтесь парами, друзья.

Подождав, пока дети, как карты, перетасуются в толпе и займут свои места, я чинно встала перед ними.

– За мной, дети.

Словно генерал перед войском, не иначе, я шла перед отрядом своих новоиспеченных подопечных. Мы красиво подошли к Маринке. На лице у подруги сияла восхищенная улыбка. Она захлопала в ладоши, а потом подняла большой палец вверх, показывая мне, что это просто высший класс. Я наслаждалась победой, пока не услышала:

– Эй, Дивановна, можно мне пописать? Я очень писать хочу...

Я оглянулась назад и увидела малыша, который начал снова подпрыгивать на месте.

– Как ты меня назвал?

– Ну, ты же сама себя назвала Ди-ва-нов-на, – ответил мне мальчишка с уже искаженным от желания сходить в туалет лицом.

– Иди, конечно.

И тут все начали хохотать. А Маринка и Аринка с тех пор обращались ко мне только так. Дивановна приклеилось ко мне, как разжеванная ириска.

Глава 2

Сложный выбор

Ну, вот и наступило время серьезно задуматься над дальнейшей судьбой. Такие громкие слова постоянно озвучивает мне мама. Нет, школьный год еще не окончился, но нагнетание обстановки царит в нашем доме давно. Если бы мама была агитатором, то она получала бы неслабые премии.

Ежедневно, с завидным постоянством и упорством, она пробиралась к моим мыслям. Пробравшись в самый эпицентр, она начинала с почти садистическим издевательством капать на мой мозг капельками. Этими каплями были вопросы и советы. В принципе, мою маму не интересовало, что я отвечу на тот или иной вопрос. Она старалась вопросами «разогреть» меня, а потом добить советами. Вот так решалась моя судьба, моя профессиональная судьба. Кем быть и куда пойти учиться? Вот главная тема последнего года школьной учебы.

Какие там географии, математики и литературы. Да тьфу на них. Маме нужно было определить меня, наставить на путь истинный и единственный. По большей части она основывалась на своих мечтах, не дававших ей покоя с детства. Ее собственная нереализация колола словно тонкими спицами в бока, и мама, четко помня свои нереализованные мечты, решила с моей помощью осчастливить себя.

В молодости мама мечтала быть воспитателем. Она выросла в деревне, где каждодневно наблюдала, как местные женщины шли на работу в коровник или в курятник. Честь и хвала любому труду. Но ей было искренне жаль этих прекрасных добрых женщин. Некоторые из них были подругами моей бабушки, которая тогда работала телятницей.

Моя мама не понаслышке знала о том, как тяжело работать в деревне. Она видела натруженные руки своей мамы и ощущала мозоли на ее руках. Да к тому же одевались на работу эти женщины, деревенские жительницы, очень и очень просто. Ну, не ходить же в коровник на каблуках, и за курочками неудобно в красивом костюме бегать. А мама мечтала о красивых нарядах для себя и своих детей.

То ли дело воспитатели, учителя и врачи. Всегда чистенькие, аккуратно одетые и с витиеватыми кренделями из волос на голове. Маме, тогдашней девочке, казалось, что выбор очевиден. Вот они, профессии мечты! Поэтому, как только она повзрослела сама, сразу уехала жить в город. Там получила образование и осталась работать в городе. Однако профессия у нее была совершенно другая. Мама работала бухгалтером. Все это делалось ради детей, которые обязательно родятся, и ради их светлого, обеспеченного будущего.

Так что задолго до моего взросления она определилась с выбором, и теперь ее главной задачей было уговорить меня приобрести профессию маминой мечты.

Обстоятельно обдумав все тончайшие и мельчайшие подробности, мама сопоставила мои способности с возможностями.

Врачом в белом, накрахмаленном до хруста халате она меня не видела. Мама хорошо знала, что химию и прочие точные науки я в школе весьма плохо изучала. Можно сказать, я проходила мимо них, брезгливо отвесив нижнюю часть лица, высунув язык и закатив глаза вверх. Как она угадала? Именно с таким выражением лица я ходила на уроки по химии, биологии и физике.

Образно говоря, я махала этим дисциплинам рукой, намекая на то, что нам не по пути. А в профессии врача химия, анатомия и что там точное еще, по мнению мамы, – главные науки. Мне их не осилить. Да и тяги к врачебной деятельности у меня мама не наблюдала. Я панически боялась крови. Кровь пугала меня и лишала чувств. Я видела в мультфильме про Маугли, как удав гипнотизирует кроликов. Капля крови оказывала на меня такой же эффект. Я

совсем не играла в «Больничку», как многие девочки. Мне больше нравилось усаживать кукол и медведей на диване и монотонно читать им лекции о морали. С деловым видом я ходила перед диваном и упрекала кукол, смотрящих в одну точку, во всех проделках. Естественно, проделки были мои личные...

Лишь один раз, посмотрев передачу о ветеринарах, я задумалась, каково это – лечить животных. На диване в неудобной позе, упав мордочкой вниз, лежал плюшевый коричневый мишка. Вид у него, как мне показалось, был совершенно больной, и животное требовало лечения. Я бодро всадила в плюшевый зад медвежонка пару полных шприцев воды, и на этом мой врачебный опыт был окончен. Шприцы были у нас в аптечке, мама делала иногда уколы бабушке.

Я испытала жуткое отвращение и одновременно непередаваемую жалость к медведю. Но попробовать себя в роли врача надо было на тот момент. И опыт этот мне не понравился. Медвежонка потом долго сушили на батарее. Раньше игрушки были из экологически чистых материалов, которые весили довольно-таки много. И намочшей попой медведя можно было сильно ранить кого-нибудь. Поэтому перед профессией врача моя мама сделала глубокий пардон муа и отпустила мечту в небо, как воздушный шарик.

Учителем стать? Сидя на работе и нервно постукивая подушечками пальцев по столу, мама долго и сосредоточенно размышляла об этом. У меня в детстве была игра: вырезанная из картона куколка-шаблон в купальнике, а к ней прилагалось несколько бумажных плоскостных нарядов.

Надо было надевать эти наряды на куклу, прикладывая их и решая, какой наряд ей больше идет к тому или иному случаю. Вот и теперь для мамы я была кем-то вроде этой куколки в купальнике. Наряд врача уже отложили в сторону. Теперь наступила очередь наряда учителя. Повторюсь, что мой несладкий характер мама изучила, как свои пять пальцев на руке. Да что говорить, она могла писать по мне пособие с детальным описанием характерных особенностей. И вот мама живо представила меня в образе учителя. Она мне об этом позже рассказала, и я согласилась с каждым ее словом.

– Дина, я как представила, какой из тебя учитель, ужаснулась сама собственным мыслям. Полный класс детей. Девчонки красятся, мальчишки дерутся. В классе шум и гам, летают записки и карандаши. Ты стоишь у доски и, нервно подергивая правым глазом, объясняешь новую тему урока. Тебя никто не слышит. Да ты и сама себя не слышишь, потому что в классе стоит дикий шум. И выйти тебе нельзя. Тебя закрыли на ключ с наружной стороны, чтоб не сбежала от детей. В итоге, после такого урока, доска, которую ты проткнула указкой, раздавленные классным верзилкой твои любимые очки и порванный в клочки классный журнал, в котором ты пыталась поставить двойки. Боже сохрани моему ребенку такую участь! Нет, в школу не пойдем работать.

– Mam, ну ты и нафантазировала! У нас в школе совершенно не так. Все гораздо спокойнее. В принципе, работать в школе я хотела бы. Может, я и справлюсь как-нибудь.

– Дочь, «как-нибудь» нам не надо. Нам надо гореть и сиять на работе.

Сидя у окна с огромной кружкой в руках, она задумчиво смотрела в никуда. Из кружки шел пар. Только что налитый кипяток норовил превратиться в теплую водицу, подкрашенную чайниками. Мама никогда не пила чай или кофе из маленьких чашечек. Пить чай так пить! Наслаждаться процессом надо подольше. Кофе тоже наливался большими объемами и назывался тогда средним родом.

– Динка, будешь кофе, оно еще не остыло.

– Нет, спасибо. У меня от него колики.

– Колики-ролики, – задумчиво произносила мама, после чего с шумом втягивала чай. – Кстати, о «роликах». Ну, что, ты уже определилась? Нам ведь уже надо на подкурсы записывать тебя.

– Определилась, мам. Может, мне в балерины податься?

При этом вопросе мама сначала застыла на пару секунд, а потом прыснула от смеха. Некоторое количество чая растеклось по столу.

– Ты себя в зеркало видела, балерина? Дай тряпку, я вытру со стола.

– А что со мной не так? – спросила я, подавая тряпку красиво, сильнее втягивая живот и щеки. Пирожки и булочки давали о себе знать. Естественно, в балет я не собиралась идти. В детстве мне даже по телевизору было неприятно наблюдать за внешним видом мужчин-балерунов, а видеть это воочию не хотелось тем более. Я заливалась краской от стыда, совершенно не понимая, для чего у них такие обтягивающие сценические костюмы. Да к тому же в балет идут с юных-юных лет. И сейчас мое время безнадежно упущено. Прощайте, па-де-де и арабески. На меня не налезет ни одна пачка балерины. Но настроение маме надо же было подпортить. Хочет моего решения? На, держи.

– Что с тобой не так? Ты спрашиваешь, что с тобой не так? Дина, да ты в дверной проем-то с трудом пролазишь, только если тебе маслицем бока смазать. А тут в балет собралась! Да тебя даже к станку не пустят.

– Так я свой станок принесу!

Мама разразилась громким смехом. Одной рукой она держала тряпку и вытирала поверхность стола, другой утирала слезы. Потом она присела, снова ухватилась за свое «ведро» с чаем и продолжила.

– Ты хоть представляешь, что такое балетный станок? Ты как его переть на себе собралась?

– Как? Как? В сумочке.

Мама до сих пор не поняла, что я тоже шучу. Она реально думала, что я совершенно не имела представление об огромном станке для балерин. Она упивалась чаем и своим умственным превосходством надо мной.

– Это же тебе не бритвенный станок для ног, Динка! Какая сумочка! Это огромная, длинная труба на ножках.

– Да?! – разыгрывая искреннее удивление, ответила я и протянула разочарованно. – Жа-а-аль...

Мы расхохотались вместе с мамой. Утро задалось. Насчет маслица на боках она перегнула палку, как говорится. Я приятная на внешность, совсем не толстая. Но у меня есть на что посмотреть.

Выпитая кружка чая придала маме особый шарм, который виднелся на покрасневшем лице. Раззадоренная смешным разговором, она поняла, что вот оно – время для советов наступило.

– Дина, вот снова повторюсь, а ты послушай спокойно. Чем тебе не нравится профессия воспитателя?

– А я и не говорила, что она мне не нравится.

– Ну, что ты врешь! Кто недавно отпирался и говорил, что сможет обучать только красивому сидению на горшках? Не ты ли?

– А чему их еще там учить, мам? Играть они и сами умеют. Кого хочешь заиграют. Я по Аришке знаю.

– Вот в том-то соль с перцем, Динка! Не профессия – мечта!

– Твоя мечта, мамочка.

– Какая разница, Дина, чья это мечта? Моя или твоя. Смотри, пришла на работу, переобулась в туфельки, халатик беленький надела, причесочку подправила. Ручки в карманы засунула и пошла лебедем по группе: «Ванечка, отдай машинку Васечке. Машенька, уложи куколку в кроватку. Петенька, не бей Гошеньку по головушке». Все! Вечером ручки из карманчиков

вытащила, причесочку поправила, переобулась в сапожки и домой лебедем пошла. Весь день сыта, в тепле и спокойствии. Рай!

– А! Так я все-таки вытащу ручки из карманчиков?

– Дина! Ну ничего ей не скажи. Не придирайся к словам. Я же образно говоря.

– По-моему, мамочка, все совсем не так. Я с Маринкой за Аринкой в садик хожу иногда. Там такое в группе творится! Почти та же история про указку в доске. А халатик мне для чего? Чтобы манной кашкой не испачкаться? Да я ничего не знаю, как с детьми обращаться. Я их даже немного боюсь.

– Вот дурочка! Работа шикарная. Тебя научат в педучилище абсолютно всему: и как занятия проводить, и как играть, и как читать им, и как утренники вести.

– Боже мой, я еще и утренники вести буду? Да меня заклинит точно, и все, чему научат за несколько лет, я забуду за несколько минут.

Мама вздохнула и первой решила перестать спорить. Она мудро заключила:

– Дочь, ты все-таки подумай хорошенько. Повторюсь опять – будешь в тепле и сытости, и дети, которые у тебя родятся когда-нибудь, будут с тобой рядом. И если ты решишь все-таки пойти учиться на воспитателя и окончишь педучилище, я буду самая счастливая мама на свете.

Мама сказала эти слова, похлопала меня по плечу и отправилась заниматься своими делами, оставив меня наедине с мыслями. Я долго сидела, пытаюсь найти верное решение. Пока сидела, накручивала ниточку на палец, задумав вопрос. Мамины слова засели в моей голове. Последний виток ниточки на пальце дал мне ответ, и я пошла осчастливливать родного человека.

В комнате был включен телевизор. Играла музыка. По непостижимому стечению обстоятельств по телевизору показывали фильм про Мэри Поппинс. Я поразились этому совпадению. А мама, улыбаясь и показывая мне на экран, сказала:

– Вот! Вот, смотри, Динка, какая ты будешь красивая, как Мэри Поппинс. В синем платье с белым воротничком и в шляпке.

– И вместо указки... зонтик... – продолжила я мечтательно.

Мама будто не слышала меня, она продолжала:

– И принесет тебя ветром в какой-нибудь садик, где всё в цветах и детях. И ты будешь порхать, как бабочка, и петь песню, что ты леди Совершенство.

– Может, я буду заходить в группу, как миссис Фурия, поправляя грудь, и говорить: «Внимание, я захожу!» Ладно, мамуль, я решилась. Так и быть, буду я Мэри Поппинс. Когда в училище пойдем?

Мама аж взвизгнула от удовольствия. Она попросила меня сесть рядом с ней и обняла за плечи. Так мы и сидели долго, смотря фильм про меня. Пардон, про Мэри Поппинс. На следующих выходных мы собрались идти на день открытых дверей в педагогическое училище. Хорошо, если это будет день открытых дверей и окон, чтоб было, куда ретироваться на всякий случай.

Глава 3

День открытых дверей и окон

Весна только начиналась, но в воздухе уже пахло свежестью. Не морозной, зимней свежестью, а самой настоящей весенней. В нее входили запахи цветов, талого снега и еще чего-то многообещающего и прекрасного. И хоть приходилось перескакивать лужи и ручейки, но делалось это с особым приподнятым настроением. Скоро совсем потеплеет, и можно будет этим наслаждаться, радоваться каждому весеннему свежему утру. Потом наступит лето, а вместе с ним невыносимая жара, которую я не люблю. Так что пока на улице межсезонье, можно наслаждаться этой порой.

Субботним днем мы с мамой отправились на день открытых дверей в педагогическое училище. Точного адреса мы не знали. Прогуглить, как это делается в настоящее время, мы не могли. Гуглить негде было, потому что ни компьютеров, ни сотовых телефонов у нас тогда не было. Это сейчас задаешь любую задачу в интернете, и он тебе, как яблочко на тарелочке, выкладывает все то, что можно, и даже то, что нельзя.

А в тот день мы шли по памяти. По маминой девичьей памяти. Когда-то в молодости она видела здание педучилища, куда вбегали счастливые, по ее мнению, девочки-студентки. И примерное местонахождение этого здания отложилось у моей мамы в памяти.

Пока мы шли, она продолжала расписывать все прелести моей будущей профессии. И после того, как тирада хвалебных речей иссякла, мама решила добить меня своими козырями. Она думала, это сразит меня наповал и заставит включить передачу для ускорения и обгона.

– И еще, Динка, обычно в таких училищах, где учатся одни девочки, часто бывают интересные вечера встреч.

Произнося последние три слова, она немного их растянула и, приподнимая бровь, многозначительно посмотрела на меня. Конечно же, я догадалась, о чем идет речь, но сделала вид, что не могу даже понять, о чем она говорит. Разведя руками в стороны, я вопросительно посмотрела на маму.

– Что-что? Это ты про литературные вечера, что ли?

– Глупая ты девочка, Динка, – сокрушалась мама. Она взяла меня под руку и продолжила свой рассказ. – Насколько я знаю, мне об этом рассказывала Нина на работе, у девчат в педучилище частыми гостями бывают ребята из военного училища. Там у вас...

– Так уж и у нас!

– Не придирайся к словам! Да, у вас. Потому что я надеюсь, что тебе хватит ума поступить в училище. Так вот, там у вас будут организовывать вечеринки с танцами. И обычно приглашают на такие мероприятия мальчиков-курсантов.

Мама рассчитывала на мою бурную реакцию. Наверно, она хотела, чтобы я, остановившись, начала крутить руками в воздухе, издавая крики «Йёхо!!!» Но этого не произошло. Я часто заморгала глазами и сделала преглупое выражение лица. В душе мне было очень смешно, но еще смешнее было доводить маму до истерии. Она смотрела на меня и ужасалась моей «глупости» и непониманию. Она искренне не понимала, как можно было не радоваться столь прекрасному факту, как новость об интересных вечеринках с военными мальчиками. Но она знала точно, что готова сама лично меня познакомить с курсантом. Это была ее вторая мечта...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.